

Автор перевода: Борехед

Стивен Кинг, Оуэн Кинг

Спящие красавицы

1

Ри спросила Джанетту, наблюдала ли та когда-нибудь за квадратом солнечного света, проникающим в камеру через окно. Джанетта, ответила, что нет. Ри лежала на верхней койке, Джанетта – на нижней. Обе ждали, когда отщелкнутся замки, двери камер откроются, и они пойдут на завтрак. Потому что наступило еще одно утро.

Сокамерница Джанетты провела целое исследование солнечного квадрата. Как объясняла Ри, сначала он появлялся на противоположной окну стене, потом скользил вниз, вниз, вниз, проползал по поверхности стола и, наконец, соскакивал на пол. Вот и сейчас Джанетта видела, что он на полу, посреди камеры, чрезвычайно яркий.

– Ри, – добавила Джанетта, – Я просто не могу обращать внимание на какой-то квадрат света.

– А по мне ты просто не можешь не обращать внимания на этот квадрат света, – Ри хрюкнула: так она изображала удовольствие.

– Ладно. И что, на хрен, все это значит? – На что ее сокамерница хрюкнула вновь.

Ри была своей в доску, но в одном напоминала маленького ребенка: тишина ее нервировала. Ри попала в тюрьму за мошенничество в кредитной сфере, подделку денежных документов и владение наркотиками с намерением перепродажи. Ни в чем особого мастерства не продемонстрировала, вот и оказалась за решеткой.

Джанетта сидела за убийство. Зимним вечером две тысячи пятого года зарезала своего мужа Дамиана, всадив ему в

пах шлицевую отвертку, а тот, будучи под кайфом, просто остался сидеть в кресле и истек кровью. Само собой, она торчала вместе с ним.

- Я смотрела на часы, - объяснила Ри. - Засекала время. Свету нужно двадцать две минуты, чтобы добраться до пола.

- Срочно звони в «Гиннесс», - предложила Джанетта.

- Ночью мне приснился сон. Я ела шоколадный торт с Мишель Обамой, и она сердито мне выговаривала: «Ты растолстеешь, Ри». Но сама ела тот же торт, - Ри хрюкнула. - Нет. Мишель мне не снилась. Я это выдумала. На самом деле мне приснилась моя учительница. Она говорила и говорила мне, что я пришла не в тот класс, а я отвечала и отвечала, что пришла, куда нужно, так она сказала, ладно, начала урок, но время от времени говорила мне, что я не в том классе, а я отвечала, что в том, и это продолжалось и продолжалось. Вот что раздражало больше всего. А что снилось тебе, Джанетта?

- Э... -Джанетта попыталась вспомнить, и не смогла. С новым лекарством она, похоже, стала спать крепче. До того ей иногда снились кошмары с Дамианом. И обычно он выглядел, как и в то утро, когда она нашла его мертвым, с синими потеками на коже, очень схожими с влажными чернильными пятнами.

Джанетта спросила доктора Норкросса, считает ли он, что эти кошмары связаны с чувством вины. Доктор, прищурившись, какое-то время смотрел на нее, как бы говоря, ты, чего, чокнутая на всю голову. Раньше эти взгляды выводили ее из себя, но теперь она попривыкла. Потом спросил, у кроликов, по ее мнению, болтающиеся уши? Да, конечно. Она поняла. Да и потом, Джанетта прекрасно обходилась без этих кошмаров.

- Извини, Ри. Ничего не помню. Что бы мне ни снилось, ушло.

В коридоре второго этажа Крыла Б слышались шаги: кто-то из надзирателей шел по бетонному полу: последняя перед открытием дверей проверка, а все ли в порядке.

Джанетта закрыла глаза. Создала грезу. Тюрьма в руинах. Пышные лианы карабкались по древним стенам, листья лениво колыхались под легким ветерком. От потолка осталась половина, вторую сожрало время, теперь потолок превратился в навес. Пара маленьких ящериц сидела на куче ржавого мусора. Бабочки танцевали в воздухе. Сильно пахло землей и листьями. Зрелище произвело впечатление на Бобби, стоявшего рядом с ней в проломе стены. Его мама была археологом. Именно она открыла это место.

- Как думаешь, можно попасть на телевикторину, если у тебя криминальное прошлое?

Видение исчезло. Джанетта застонала. Ладно, эти мгновения ей было хорошо. На таблетках жизнь определенно стала лучше. Существовало тихое, приятное местечко, которое она могла найти. Да, следовало отдать должное доктору. Лучше жить с химией. Джанетта вновь открыла глаза.

Ри тарачилась на нее. О тюрьме трудно сказать что-то хорошее, но, возможно, для такой девушки, как Ри, под замком безопаснее. На свободе она, скорее всего, по рассеянности угодила бы под машину. Или продала бы наркотики торчку, который и выглядел торчком. Что она и сделала.

- Что не так? - спросила Ри.

- Ничего. Я перенеслась в рай, вот и все, а ты своим большим ртом взорвала его.

- Что?

- Неважно. Послушай, думаю, должна быть телевикторина, на которую можно попасть, только если у тебя есть криминальное прошлое. Мы назовем ее «Кто лучше солжет».

- Мне нравится! И как она будет устроена?

Джанетта села, зевнула, потянулась.

- Об этом надо подумать. Ты понимаешь, разработать правила.

Их дом был таким же, как и всегда, и никаких изменений не намечалось до скончания мира, аминь. Камера, десять шагов в длину, четыре – между койками и дверью. Стены – гладкий бетон, окрашенный в цвет овсянки. Их фотографии и открытки с загибающимися краями, крепились (так мало, что и смотреть не хотелось) к стене расплюснутыми клейкими комочками. У одной стены стоял маленький металлический стол, у противоположной – металлическая этажерка. Слева от двери располагалось стальное «очко». Когда одна справляла нужду, сидя на корточках, вторая отворачивалась, создавая жалкую иллюзию уединения. Панель из двуслойного стекла в двери, на уровне глаз, позволяла увидеть небольшую часть коридора, который тянулся по всему Крылу Б. Каждый дюйм и предмет в камере благоухал вездесущими тюремными запахами: пот, плесень, лизол.

Против воли Джанетта наконец-то обратила внимание на квадрат солнца на полу. Он почти подобрался к двери, и не мог отправиться дальше, так? До тех пор, пока надзиратель не вставит бы ключ в замок или не откроет дверь из Будки, световой квадрат оставался взаперти, так же, как и они.

– А кто будет ведущим? – спросила Ри. – В каждой телевикторине должен быть ведущий. И какие будут призы? Призы должны быть хорошие. Нам нужно все проработать, Джанетта.

Глядя на Джанетту, Ри наклонила голову и накручивала на палец короткие, выбеленные кудряшки. У самой линии волос лоб Ри портил шрам, напоминающий решетку для гриля: три глубокие, параллельные полосы. Хотя Джанетта не знала, откуда взялся этот шрам, она не сомневалась, чья это работа: мужчины. Может, отца, может, брата, может, бойфренда, может, парня, которого Ри больше не видела, ни раньше, ни позже. Заключенные женской тюрьмы Дулинга могли рассказать крайне мало историй о чем-то хорошем, случившимся с ними. Зато множество историй о плохишах.

И что тут можно поделывать? Пожалеть себя. Возненавидеть себя иди возненавидеть всех. Ловить кайф, нюхая различные химические продукты. Делать все, чего заходитесь (в строго

ограниченных пределах), но ситуация от этого не менялась. Твой шанс крутануть большое сверкающее колесо фортуны мог появиться не раньше следующего вызова на комиссию по предоставлению условно-досрочного освобождения. Джанетте хотелось крутануть колесо как можно удачнее. У нее был сын.

Послышался гулкий удар: надзиратель в Будке разом отомкнул шестьдесят два замка. Половина седьмого. Всем выйти и камер на утреннюю поверку.

- Я не знаю, Ри. Подумай об этом, - ответила Джанетта, - и я подумаю, а позже обменяемся мнениями. - Перебросила ноги на пол и встала.

2

В нескольких милях от тюрьмы, во дворе дома Норкроссов, Антон, уборщик бассейнов, вылавливал из водыдохлых насекомых. Доктор Клинтон Норкросс подарил бассейн Лайле, своей супруге, на десятилетие их свадьбы. Обычно одного взгляда на Антона Клинту хватало, чтобы в очередной раз задаться вопросом, а мудрое ли он принял решение? Это утро не стало исключением из правила.

Антон уже снял рубашку, по двум веским причинам. Во-первых, день обещал быть жарким. Во-вторых, живот Антона более всего напоминал скалу. Да и вообще со своей рельефной, четко выраженной мускулатурой Антон, уборщик бассейнов, выглядел жеребцом с обложки любовного романа. А если кому-то захотелось бы послать пулю в живот Антона, стрелять следовало под небольшим углом, чтобы избежать рикошета. Что он ел? Горы чистого белка? И как сумел накачать такие мышцы? Очищал Авгиевы конюшни?

Антон вскинул голову, улыбнулся под поблескивающими стеками его «вайфареров». Свободной рукой помахал Клинтону, который смотрел на него из окна расположенной на втором этаже главной ванной комнаты.

- Господи Иисусе, чел, - спокойно сказал себе Клинт. Помахал в ответ. - Поимей совесть!

Клинтон отвернулся от окна, отошел. В зеркале на закрытой двери в спальню увидел белого мужчину сорока восьми лет, обладателя диплома бакалавра Корнеллского университета, доктора медицины - Нью-Йоркского и пусть не таких и больших, но все-таки ручек любви¹: многочисленные «гранд мокки» от «Старбакса» давали себя знать. Его тронутая сединой борода больше подходила не пышущему здоровьем лесорубу, а опустившемуся одноногому морскому капитану.

Тот факт, что возраст и расплывшееся тело задевали его, Клинт воспринимал, как иронию судьбы. Раньше он терпеть не мог мужское тщеславие, особенно разновидность, свойственную среднему возрасту, а накопленный профессиональный опыт только усилил эту непереносимость. Собственно, событие, которое Клинт воспринимал великим поворотным пунктом его медицинской карьеры, произошло восемнадцать лет тому назад, в девяносто девятом, когда потенциальный пациент, звали его Пол Монпелье, пришел к молодому доктору с жалобами по поводу «кризиса сексуальных амбиций».

Он спросил Монпелье: «Когда вы говорите «сексуальные амбиции», что вы под этим подразумеваете?» - Амбиционные люди стремились продвинуться по службе. Но не мог же человек стать вице-президентом секса. Специфический какой-то получался эвфемизм.

- Я подразумеваю... - Монпелье, похоже, рассматривал различные варианты продолжения. Наконец, определившись, откашлялся. - Я по-прежнему хочу это делать. Я по-прежнему хочу этим заниматься.

- Но я не вижу тут ничего амбиционного, - указал Клинт. - По-моему, это нормально.

Только-только закончив резидентуру² по психиатрии, Клинт еще не избавился от ненужной резкости. Собственно,

¹ Ручки любви/love handles - жировые отложения на боках.

² Резидентура/residency - специализированная последипломная больничная подготовка врачей,

он вел прием только второй день, и Монпелье был его всего лишь вторым пациентом.

(Первым стала девушка-подросток, которую тревожили перспективы поступления в колледже. Правда, довольно скоро выяснилось, что девушка набрала 1570 баллов³ при сдаче стандартизированного теста. Клинт указал, что это прекрасный результат, так что нет никакой необходимости ни в лечении, ни даже во втором визите к нему. «Излечена!» написал он у нижней кромки первого листа линованного блокнота, который обычно использовал для записей).

В тот день Пол Монпелье пришел на прием в белом свитере-безрукавке и брюках с защипами. Сидел напротив Клинта в дерматиновом кресле, сторбившись, положив щиколотку одной ноги на колено другой, держась рукой за модельную туфлю. Клинт видел, как тот парковал леденцово-красный спортивный автомобиль на стоянке у приземистого офисного здания, в котором находился его кабинет. Пол занимал высокий пост в иерархии угольной промышленности и мог позволить себе такой автомобиль, но своим длинным, измученным заботами лицом напоминал Клинту братьев Гавс, которые так досаждали Скруджу Макдаку в старых комиксах.

- Моя жена говорит... чтобы не быть многословным, но вы понимаете, смысл совершенно ясен. Подтекст, так сказать. Она хочет, чтобы я завязал. Расстался со своими сексуальными амбициями, - он вскинул подбородок.

Клинт проследил за его взглядом. Под потолком вращался вентилятор. Если бы сексуальные амбиции Монпелье поднялись так высоко, лопасти порубили бы их в капусту.

- Давайте дадим задний ход, Пол. Каким образом в ваших отношениях с женой возникла эта тема. С чего все началось?

- У меня был роман. Я словно прыгнул в омут. И Рода, моя жена, вышвырнула меня вон! Я объяснял, что дело не в ней, просто... у мужчин есть потребности, вы знаете? У мужчин есть потребности, которые женщины не могут понять, - Монпелье покрутил головой. Раздраженно зашипел. - Я не

³ Максимально возможное количество баллов - 1600.

хочу разводиться. Какая-то моя часть чувствует, что именно она должна смириться с этим. Со мной.

Грусть и отчаяние были искренними, и Клинт представил себе боль, вызванную столь внезапной переменой: брать чистые вещи из чемодана, в одиночестве есть в забегаловке водянистый омлет. Это была не классическая депрессия, но депрессия, заслуживающая внимания и заботы, пусть даже Монпелье сам навлек на себя эту напасть.

Пациент наклонился вперед, над урчащим желудком.

- Будем откровенны. Доктор Норкросс, мне уже под пятьдесят. Мои лучшие сексуальные дни позади. Я отдал их ей. Потратил их на нее. Ездил на все игры и конкурсы, создавал колледжские фонды. Так почему мы не можем прийти к какому-то соглашению? Почему все должно быть таким ужасным, почему должно разделять нас?

Клинт не ответил - просто ждал продолжения.

- На прошлой неделе я был у Миранды. Это женщина, с которой я спал. Мы сделали это на кухне. Мы сделали это в ее спальне. Почти сделали третий раз, в душе. Давно уже я не был так счастлив! Эндорфины! Потом я поехал домой. У нас был семейный ужин, мы поиграли в «Эрудит», и все пребывали в прекрасном настроении! Где проблема? Это *сфабрикованная* проблема, вот что я думаю. Почему я не могу получить в этом мире немного свободы? Неужели я прошу слишком многого? Неужели это так возмутительно?

Несколько секунд оба молчали. Монпелье вглядывался в Клинта. Умные слова кружили в голове доктора, как головастики. Поймать их не составляло труда, но он продолжал молчать.

За спиной пациента, у стены стояла рамка с эстампом Дэвида Хокни, подарок Лайлы. Она полагала, что эстамп «добавит кабинету теплоты». В этот день Клинт как раз собирался повесить эстамп. С ним соседствовали наполовину распакованные коробки и книгами по медицине.

Кому-то следует помочь этому человеку, промелькнуло в голове молодого доктора, и сделать это можно как раз в

такой милой, тихой комнате. Но должен ли быть этим помощником Клинтон Р. Норкросс, доктор медицины?

Он, в конце концов, из кожи лез вон, чтобы стать врачом, и в этом ему не помогал ни один колледжский фонд. Жизнь никогда его не баловала и за все приходилось платить, иной раз не только деньгами. Чтобы добраться до цели, он делал такое, о чем никогда не рассказывал жене, и знал, что никогда не расскажет. И вот, значит, ради чего? Оказывать посильную помощь сексуально амбициозному Полу Монпелье?

Широкое лицо Монпелье исказила чуть виноватая гримаса.

- Да ладно. Выкладывайте. Я все делаю неправильно, да?

- Вы все делаете очень даже правильно, - ответил Клинт и на следующие тридцать минут осознанно задвинул свои сомнения в дальний ящик. Они обсудили проблему со всех сторон и во всех подробностях. Они выяснили разницу между желанием и потребностью. Они поговорили о миссис Монпелье и ее заурядных (по разумению Монпелье) предпочтениях в сексе. Они отклонились от темы, на удивление откровенно обсудив сексуальный опыт совсем еще юного Пола Монпелье, в частности, использование для мастурбации челюстей плюшевого крокодила, игрушки младшего брата.

Клинт, в рамках профессионального долга, спросил Монпелье, ощущал ли тот когда-нибудь желание причинить себе вред. (Нет). Поинтересовался, какие бы тот испытывал чувства, если бы их роли поменялись. (Он всегда говорил ей: если тебе чего-то хочется, сделай). Спросил, каким видит себя Монпелье через пять лет. (Именно тогда мужчина в белом свитере-безрукавке заплакал).

В конце сессии Монпелье сказал, что уже с нетерпением ждет следующей, а как только за ним закрылась дверь, Клинт позвонил в свою телефонную службу и попросил переводить всех желающих записаться к нему на прием к психотерапевту в Мейлоке, соседнем городке. Секретарь-телефонистка спросила, как долго?

«Пока в аду не пойдет снег», - ответил Клинт, наблюдая из окна наблюдал, как Монпелье разворачивает свой леденцово-красный автомобиль и выезжает со стоянки. И водителя, и автомобиль он видел в последний раз.

Потом позвонил Лайле.

- Привет, доктор Норкросс, - слыша ее голос, он понимал, что подразумевали люди - или думали, что подразумевали, - говоря, что у них пело сердце. Она спросила, как проходит его второй рабочий день.

- Ко мне заглянул наименее поглощенный собой человек Америки, - ответил он.

- Ох! Мой отец заходил к тебе? Готова спорить, офорт Хокни его смутил.

Она была сообразительная, его жена. Такая же сообразительная, как и ласковая, и такая же жесткая, как сообразительная. Лайла любила его, но при этом не позволяла ему расслабиться. Клинт думал, что ему, вероятно, это необходимо. Как, скорее всего, и большинству мужчин.

- Ха-ха, - ответил он. - Послушай, та вакансия в тюрме, о которой ты упоминала. Кто тебе о ней сказал?

Последовала короткая, на пару секунд, пауза: его жена обдумывала смысл вопроса. И ответила своим вопросом:

- Клинт, ты хочешь мне что-то сказать?

У Клинта не возникало и мысли, что ее может разочаровать его решение отказаться от частной практики ради государственной службы. Он был совершенно уверен, что такому не бывать.

Спасибо Господу, что ему досталась Лайла.